

Воспитание чувства превосходства¹

МОНИК ДЕ СЕН МАРТЕН

ОКУДА представители французской аристократии были уверены в незыблемости своего положения, важности семьи, имени и титула, обладая достаточным и свободно передаваемым по наследству экономическим капиталом, они сравнительно мало думали о школе — этом институте, присуждающем дипломы и степени в обмен на способности, признаваемые универсальными, и отдавали предпочтение домашнему обучению, основанному на личном примере и яркой индивидуальности. Ни в одной другой группе, включая хозяев частных предприятий и крестьян, не опирались в той же мере, что и в аристократии, на преимущественно семейный способ воспроизводства, позволявший прямую передачу детям, в частности старшему сыну, семейного достояния, нераздельно материального и символического. Для данной группы, где семья или родовая линия практически полностью контролировали воспитательный процесс, было характерно относиться к школе, в особенности государственной, с большим недоверием.

ОБУЧЕНИЕ МАНЕРАМ

Вплоть до Второй мировой войны воспитание детей аристократов в раннем возрасте доверялось по большей части гувернанткам, английским или ирландским няням, затем — наставникам, австрийским или французским учительницам² и было

1. Перевод выполнен по изданию: © *De Saint Martin M. L'apprentissage de la différence // L'espace de la noblesse*. P.: Éditions Métailié, 1993. P. 184–216.

2. Гувернантки, воспитательницы и наставники часто происходили из угасающих аристократических родов либо небогатых семей буржуазии или

четко ориентировано на имплицитное или эксплицитное обучение светским навыкам — манере держать себя, здороваться, говорить и отвечать каждому (устно и письменно) в соответствии с его рангом, а также способности надлежащим образом нести свой знатный титул и распоряжаться унаследованным капиталом: тонко чувствовать отношения, помнить все имена, титулы, звания, при помощи которых обращаются к людям, места, встречи. Этим умениям тем больше уделялось внимания, чем выше было положение, занимаемое в пространстве знати, то есть для старшего сына они были важнее, чем для младшего, для герцога — важнее, чем для графа, и т. д. В «старом господствующем классе» усвоение правил приличия, как пишет Мансьон-Риго, происходит «путем постоянного и настойчивого обучения многочисленным жестам, которые могут показаться незначительными, но в действительности создают „отличность“, выделяют из массы, указывая на положение в иерархии и древность богатства»³ или рода. С самого раннего возраста дети приобретают необходимые умения и привычки не по учебникам хороших манер или сборникам образцов эпистолярного жанра, но на личном примере старших, что создает иллюзию врожденного качества. При этом важнее всего для молодого аристократа вести себя при любых обстоятельствах «естественно», уметь соблюдать правила либо, наоборот, нарушать их с естественным видом. «Скромность», возможно, не ценилась бы так высоко аристократами, не будь она обратной стороной уверенности, власти, которые были бы несносны, если бы не сопровождались изъявлениями простоты. Сдержанность и скромность, умение говорить и отвечать, а еще важнее — умение молчать и не задавать неуместных вопросов, задавая лишь те, что следует, являются частью этих фундаментальных навыков.

Распорядок дня у детей и подростков очень плотный: уроки чтения, письма или счета, а кроме того, катехизиса, пианино, рисования или вышивки, упражнения, рекреации, прогулки в избранных местах, светские визиты или игры непрерывно сменяют друг друга; ничто или почти ничего не оставлено на волю случая⁴.

даже являлись выходцами из более скромных семей мелких буржуа.

3. *Mension-Rigau E. L'enfance au château. L'éducation familiale des élites françaises au XXe siècle.* P.: Rivages, 1990. P. 182.

4. Так, графиня де Пари (чей отец Дом Педро, принц дю Грао-Пара, происходил из Бразилии и чья мать Элизабет Добрзенски де Добрзениц появилась на свет в замке Шотбор в Богемии) родилась в 1911 году и большую часть своего образования получила, по ее выражению, «дома» или, скорее, в залах и салонах, устраиваемых с этой целью в замках и особняках (замок д'Е в Нормандии, отель Ламбер в Париже, на острове Сен-Луи).

Вот что рассказывает в своем интервью одна знатная дама, родившаяся в аристократической семье и воспитывавшаяся по старому образцу:

Наш день всегда начинался и заканчивался в один и тот же час; так было всегда, кроме каникул. В воскресенье утром мы ходили на мессу, потом был семейный обед, после чего было нужно делать домашнее задание на понедельник, это было невероятно монотонно, и так — до самого окончания среднего образования. <...> Абсолютное однообразие... совершенно размеренная жизнь, ни одной свободной минуты, того, что называют ничего неделаньем. <...> У меня было ощущение, что я живу в подводном мире, сверхзащищенном, невероятном, дающем ощущение полной зависимости.

Такой распорядок дня, выполнявшийся с абсолютной точностью и почти никогда не менявшийся, способствовал также полному освоению светских манер — уметь держаться, проявлять сдержанность, внушать уважение, непринужденно и с величайшей учтивостью. Все было устроено так, что и в приватном пространстве дети должны были жить как бы на публике, напоказ, но вести себя при этом «естественно». В подобной обстановке любые телодвижения, походка, жесты находятся под постоянным контролем: атмосфера гостиней не допускает светливости, торопливых движений, требуя сдержанности и контролируемой непринужденности. Будучи нередко суровым и строгим, такое воспитание не исключало, однако, наличия некоторых моментов и мест для отдыха и «свободы», как правило, в доме у бабушки и дедушки.

Проводя годы детства в обширных поместьях, особняках или замках своих родителей, бабушек и дедушек, дядь и тетя,

Не без ностальгии она вспоминает «кружение гувернанток, воспитательниц, учителей и аббатов — последние учили только [ее] братьев», которые, несмотря на это, позволяли им «свободно распоряжаться собой после окончания занятий и упражнений». Это домашнее обучение продолжилось даже после свадьбы во время ее пребывания в Италии. «Каждые два дня французский священник с говорящей фамилией Букэн [bouquin (фр.) — книга, учебник] приходил давать нам уроки синтаксиса и пытался улучшить мою орфографию. <...> Из Франции приезжали высокообразованные господа, компетентные в самых разных областях; они давали Анри различные уроки, на которых я присутствовала, сидя с вышиванием в углу его кабинета. Генерал Гондрекур преподавал военную историю, полковник де Восель — артиллерию, Дюра — авиацию, а известный профессор Перро — римское право. Наконец, Шарль Бенуа читал ему поучительные, хотя и бесконечные лекции по политическим наукам. Все это были интереснейшие занятия, из которых я почерпнула разнообразные знания». См.: *Isabelle, comtesse de Paris. Tout m'est bonheur*. P.: R. Laffont, 1978. P. 18, 164.

где непрерывно находилось большое число родственников, гостей и друзей, дети часто имели возможность пополнить свои знания о светской жизни. В воспоминаниях детства важнейшее место занимают «представления» тому или иному знаменитому гостю, перед которым нужно уметь держаться, партии в бридж или другие светские игры: крокет, карты, шахматы и т. п., псовая или ружейная охота, прогулки в местах для избранных. Так, обучение верховой езде может стать настоящим инициатическим ритуалом.

Графиня де Панж, родившаяся в 1888 году в Париже, чей дед по отцовской линии, герцог Альберт де Брольи, был министром и вице-президентом Совета и чей отец заседал в депутатской Палате, «выступая в политике против традиционного либерализма семейства Брольи», в своих мемуарах рассказывала, что «величайшее» событие в ее жизни случилось тогда, когда в возрасте 14 лет она впервые села в седло в манеже Пелье, «знаменитом своей элегантностью и прекрасной выправкой»⁵. Жюль Пелье, учитель верховой езды, ставший знаменитым еще во времена Второй империи, «в течение вот уже сорока лет помогал сесть в седло всем девицам из высшего общества». В «эксцентричном воспитании» графини де Панж, как обнаружилось, не хватало спортивных упражнений.

Но в ту эпоху практически единственным спортивным занятием, годным для молодой девушки, была верховая езда. Теннис, в который играли на траве в длинных платьях, едва ли мог сойти за спорт; катание на коньках почиталось малоподходящим занятием вследствие плохой репутации Ледового дворца, где собирались дамы полусвета.

Потому графиня де Панж не скрывает то огромное удовлетворение, которое ей приносила верховая езда, в особенности острое чувство превосходства.

Почувствовав себя в седле достаточно уверенно для того, чтобы подниматься на норовистых лошадей, и поняв, что нужно обращаться с ними соответственно их характеру и реакциям, я стала находить сильнейшее удовольствие в том, чтобы держать в моей власти это сильное и brutальное существо, подчинить его моей воле настолько, чтобы оно слушалось малейшего нажима моего пальчика на поводья.

Успехи в верховой езде имели для ее семьи, как и для нее самой, больше значения, чем собственно школьные штудии. К примеру,

5. *Comtesse de Pange. Comment j'ai vu 1900. Confidences d'une jeune fille.* P.: Grasset, 1965. P. 49–55.

отец, который ничуть не интересовался ее занятиями, несколько раз приходил наблюдать за ней в манеже, «поболтать» с Жюлем Пелье и удостовериться в ее прогрессе.

Анри де Бонневаль, принадлежавший к одному поколению с графиней де Панж, еще более прямо выражает чувство удовольствия, которое ему дает сознание его превосходства над окружающими, чувство, окрашенное аристократской надменностью, граничащей со спесью, когда говорит о домашней прислуге в тех же выражениях, что о лошадях.

Мне было десять лет, когда я впервые сел в седло. <...> Три раза в неделю меня привозили в знаменитый манеж Пелье. <...> Я часто галопировал в Булонском лесу и, будучи превосходным наездником, к семнадцати годам начал принимать участие в псовой охоте. <...> Нам было бы легче вообразить свою жизнь без домашних слуг, чем без лошадей. Лошади были неотъемлемой частью нашей жизни; и не было такой жертвы, которой нельзя было бы принести ради содержания отличной конюшни, с ухоженными животными и безупречной упряжью⁶.

Чаепитиям, детским балам, приемам, визитам нет числа; семейные обеды по случаю больших праздников, к примеру в канун Нового года, дают каждому ребенку возможность «показать номер» — прочитать стихотворение, исполнить музыкальный отрывок либо песню или даже сыграть роль в подготовленной совместно с другими детьми пьесе. Приобретая азы светской жизни, дети, не осознавая того, учатся вести себя в соответствии со своим рангом и социальным положением. А практические знания об управлении хозяйством, о садоводстве, рубке леса, банковском счете, сальдо, капитале, акциях и облигациях могут быть получены, к примеру, во время прогулки в парке с бабушкой или дедушкой или с одним из родителей. Вместе с тем целью приобщения детей к различным практикам было не столько привить интерес к музыке, живописи или даже охоте как таковым, сколько умение выдерживать свою роль в любой ситуации, предпочтительно — в хорошем обществе. Все воспитание было в действительности направлено на выработку прочных навыков и убеждений, не оставлявших места сомнению. По меньшей мере вплоть до войны 1939–1945 годов учение не рассматривалось как подготовка к тому, чтобы занять положение в обществе — место каждого в нем было заранее четко определено⁷.

Большая часть всех этих разнообразных и по существу не имеющих практической цели занятий, будь то уроки, про-

6. *De Bonneval H. La vie de château. P. 55.*

7. Ср.: *Revel J. Présentation // Mension-Rigau E. Op. cit. P. XVII.*

гулки верхом или светские игры, была общей для всех детей в семье, независимо от их пола, что, однако, не исключало разделения [половых] ролей, о котором можно судить по мемуарам, передающим, в частности, отношение к письму и своим воспоминаниям. К примеру, Пьер де Бриссак отводит важное место в своих мемуарах посещавшимся им учебным заведениям, самым занятиям и даже прочитанным книгам, в то время как Франсуаза де Люппе, его старшая сестра, родившаяся в конце прошлого века (обладая, по словам ее брата, «авторитарным характером и относясь всерьез к своей роли „старшей“... она училась очень хорошо и запоминала все»⁸), отмечает в «Перекрестке шевалье Кики», что обучение, «исполненное сладчайшей фантазии», не привело ее «к престижным дипломам», но оставило по себе «сказочные воспоминания, сокровища поэзии не менее ценные, чем диплом»⁹. Пьер де Бриссак ни слова не говорит о своем религиозном воспитании, но не потому, что оно не затронуло его глубоко (среди его предков были аббаты, настоятельница монастыря и три епископа; один из его кузенов, Жорж де Коссе-Бриссак, — прелат Его Святейшества; сам он стал рыцарем Сен-Грегуар, совершил паломничество в 1955 году, отправившись пешком из Парижа в Шартр совместно с графиней де Пари; «со всей скромностью» играет на фис-гармонии в деревенской церкви и т. д.), но, несомненно, лишь по причине того, что в обществе допускается, чтобы мужчины проявляли меньше рвения, чем женщины, в религиозных делах. Франсуаза де Люппе, напротив, стремится рассказать о том, каким набожным ребенком она была и какое глубокое влияние оказала на нее ее мать, «которая каждый день ее жизни вставала очень рано, чтобы успеть на утреннюю мессу», вечером «бесконечно молилась на коленях» и затем «после того, как все молитвы были произнесены, ложилась, но начинала новые уже в постели» (с. 16), а также бабушка, «учившая ее бесконечным доброте и милосердию, просившая молиться Богу и обращаться к посредничеству святого Кюре д'Арс, если мне было плохо» (с. 78).

Минуло почти сто лет с тех пор, как юная Франсуаза де Люппе училась молиться у своей матери и бабки, но преемственность в этой области остается особенно сильной. Сцена из фильма «В тени замка», снятого в 1988 году режиссерами Вирджини Эрбен и Патрик Менье, в которой внучка баронессы д'Алиньи повторяет молитвы по просьбе своей бабушки, во многом напо-

8. *Duc de Brissac. En d'autres temps 1900–1939*. P.: Editions Bernard Grasset, 1972. P. 33.

9. *De Luppé F. Le carrefour du chevalier Quiqui*. Pau: Marrimpouey, 1957. P. 34–35. Далее мы указываем номера страниц этой книги в скобках после цитаты.

минает религиозное воспитание Франсуазы де Люппе¹⁰. Ритуал занимает гораздо меньше времени, но глубинная интенция кажется той же самой. Перед тем как ее восьмилетняя внучка засыпает, баронесса просит ее повторять за ней фразу за фразой следующую молитву: «О святые защитники небесные, храните нас и всех, кого мы любим. Аминь. Именем Отца, и Сына, и Святого Духа да будет так». И маленькая девочка старательно повторяет слова вслед за ней. Окончив эту небольшую молитву, бабушка вместо сказки рассказывает историю этой комнаты как бы для того, чтобы внушить внучке смысл и опыт непрерывности семьи и рода, которые должны стать сильнее изменений, вторгающихся в их образ жизни: «Знай, что в этой комнате моя мама, бабушка твоего отца, устроила небольшую гостиную, ставшую с тех пор спальней моих внуков; я очень рада, что ты здесь, и надеюсь, что ты хорошо проведешь ночь. Спи спокойно». После чего она снова возвращается к религиозным жестам: «Не забудь окреститься своей маленькой ручкой и попросить доброго Иисуса защитить тебя. Спокойной ночи».

Подготовка больших церемоний, участие в мессах, паломничествах, крестных ходах особенно поощрялись среди девочек, которым полагалось заниматься временными алтарями процессий, бросать лепестки роз, в то время как их братья пели в хоре. Однако хорошим тоном считалось, даже для знатной дамы, не выказывать слишком много усердия, и излишняя набожность, выставляемая напоказ, была характерна для тех женщин в семье, которые не чувствовали себя ни «хорошенькими», ни «видными» и имели «мало успеха в обществе». Детские годы графини де Пари, по ее словам, были «размечены паломничествами, процессиями, религиозными обрядами, посвященными нескольким святым» — святому Лорану и святой Жанне в О, святой Женевьеве в Париже, святому Жану Боско в Бразилии, которым она молилась со своими родителями в базилике либо в гроте. Она отмечает, что в семье «постоянно подшучивали над ее преданностью изрядному числу святых»¹¹.

Несмотря на то что мужчинам было проще, чем женщинам, проявлять свое равнодушие по отношению к религии и Церкви, упоминания о полученном религиозном воспитании иногда встречаются и в мужских мемуарах. Так, Кристиан де Николэ, происходивший из древней семьи «дворянства мантии» и долгое время служивший дипломатом, посвящает ему несколько

10. «В тени замка» (*A l'ombre du château*) — фильм, снятый режиссерами Вирджини Эрбен и Патриком Менье на студии *La Sept/Arte et Caméras Continentales* в 1988 году.

11. *Isabelle, comtesse de Paris*. Op. cit. P. 25, 39.

страниц. Правда, полуночные мессы своего детства, обряд первого причастия в Сен-Пьер дю Гро-Каю, воскресные послеобеденные молитвы он упоминает лишь мимоходом, зато подробно останавливается на визитах своего дяди Оливье де Дюрфор, епископа Лангрского, впоследствии Пуатье, который приезжал каждый год гостить в замок Монфор, где он провел часть своего детства с дедом и бабкой.

Исполненный епископальной величавости, подчеркиваемой плавностью речи, четкой артикуляцией и бархатистым тембром голоса, он предавался воспоминаниям о людях и событиях минувших дней... Он прогуливался со своими хозяевами по хорошо знакомым ему аллеям парка, обращаясь то к одному, то к другому с неизменно трогавшей их благожелательностью. Он был облачен в черную длинную мантию, носил шапочку с прямыми краями, лента которой ниспадала сзади, и туфли с пряжками.

Юному Кристиану де Николэ и его братьям он рассказывал разные истории, наполнявшие их изумлением: настолько им казалось «странным, что епископ мог когда-либо испытывать детские радости и заботы, играть в те же игры». И Кристиан де Николэ продолжает:

По мере того как мы слушали его, простого, внимательного, благожелательного, наши опасения постепенно рассеивались, уступая место доверию; доверию, которое тем не менее обернулось волнением, когда мы узнали, что на следующий день после его приезда мы должны для него читать наизусть катехизис. Подобная перспектива наполняла меня ужасом. Напрасно ночью в постели я пытался повторять вновь и вновь христианские добродетели и семь смертных грехов — всякий раз один или два из них ускользали от моего молящего призыва.

Но, по счастью, когда дети собрались в комнате своего дяди епископа, он просто попросил каждого из них высказать по очереди свои мысли о том или ином предмете; это не был наводящий страху допрос (на манер деревенского учителя или кюре), но беседа, проходившая в приятной атмосфере, исключавшей сомнения или критику. «Одно несомненно: к концу нашего разговора мы пришли к совершенному согласию относительно всех затронутых в нем вопросов». Так, религиозное воспитание было неразрывно связано с обучением манерам, культуре ведения дискуссии и, кроме того, с осознанием различий, отделявших их от всех тех, и особенно от детей, которые не принадлежали к одному с ними миру.

Когда дяде случалось вести воскресную мессу в приходской церкви, юные братья Николэ на время превращались в служек.

Надев красную мантию и белый стихарь, мы присоединялись к когорте «профессионалов». Именно они обучили нас азам этого почтенного ремесла. Вообще же они проявляли некоторую вольность в соблюдении литургических правил, не стесняясь укорачивать жесты и ответы. Однако присутствие епископа, конечно, подвигало их к тому, чтобы с большим почтением относиться к установлениям и формам. Что касается лично нас, мы должны были стоять в окружении епископа и следовать за ним в его перемещениях. Как того требовал иерархический порядок, Эмар [старший брат] держал крест, Рене [второй по старшинству] нес митру, а я — подсвечник. Если мне случалось по неосторожности слишком сильно наклонить его, насмешливое шушуканье тотчас меня об этом извещало: «Следи за своей свечкой; не разевай рот». Когда наступало время проповеди, мы, все трое, сопровождали прелата до кафедры и усаживались на ступеньки лестницы.

В то время остальные служки, профессиональные и анонимные, должны были довольствоваться тем, чтобы смотреть на епископа издалека, сидя на маленьких табуретах¹².

Нет необходимости в словах или внушениях — осознание различия, чувство превосходства над другими деревенскими детьми возникает через практику, на специально отобранных и сознательно очерченных площадках. Даже если совместные игры и прогулки могут затем создать у молодых аристократов чувство или иллюзию дружбы и товарищества с деревенскими детьми, различие останется глубоко укорененным как в сознании тех, кто оказался на возвышении рядом с епископом, так и всех остальных.

Таким образом, религиозные мероприятия нередко приобретают в среде аристократов особую значимость: часто их целью в действительности является, скорее, усвоение светской религиозной культуры, вписанной в телесные практики (держаться прямо во время семейной молитвы, почтительно приветствовать епископа и т. п.) и вербальные автоматизмы (повторять выученные наизусть молитвы), чем духовный опыт и *a fortiori* критическое обращение к истории религии и католической церкви¹³. Такое религиозное воспитание до сих пор сохраняет свое наибольшее значение для представителей провинциального и сельского дворянства. Согласно результатам опроса, проведенного Бенуа де Вильнев в коммунах Иль-и-Вилен и Кот д'Ар-

12. De Nicolay C. Aux jours d'autrefois. P.: C. de Nicolay, 1980. P. 54–59; P. 17, 98, 107.

13. Большая часть французских дворянских семей исповедуют католицизм; в семьях, принадлежащих протестантской или иудейской части дворянства, равно как и католической, религиозное воспитание происходит, без сомнения, не одинаковым образом.

мор, религия чаще других упоминается в качестве основной ценности аристократического воспитания, намного опережая даже чувство чести и долга, а также честность, любовь и служение родине¹⁴.

Со временем обучение манере держаться и выдерживать свою роль стало занимать значительно меньше места в воспитании молодых поколений. Эта тенденция раньше других затронула старинное «дворянство мантии» и парижской аристократии, немного позднее — старинное «дворянство шпаги» и дворянские семьи в провинции. Это отчасти связано с возникшей необходимостью уделять все больше внимания приобретению знаний и даже специальности, развитию способностей, подготовке к профессиональной карьере, что, однако, не распространялось на девушек, принадлежавших наиболее консервативной части дворянства. Распорядок дня у детей претерпел заметные изменения: стало меньше домашних уроков и занятий — вышивки, религиозных мероприятий и т. д., но в целом он остался таким же загруженным. Последовательное обучение манерам и правилам вежливости, незаметное воспитание вкуса происходят теперь менее церемонным и менее явным образом и, по-видимому, не так строго. Вместе с тем незначительные события и интеракции повседневной жизни остаются реперами для понимания того, что «принято делать» и что «не принято делать» в семье, у бабушки, в доме друзей, соседей и т. д.¹⁵ Вне семьи социализация ребенка может принимать все более разнообразные формы: помимо школы дети посещают клубы и ассоциации (чаще всего частные), предлагающие различные виды досуга, занятия спортом, обучение музыке, танцу, а также кружки скаутов, хорового пения, краеведения и т. д., выбираемые с крайней тщательностью. Внутри пространства знати способы воспитания начинают дифференцироваться, прежде всего в зависи-

14. См.: *De Frondeville G. Etre noble en France aujourd'hui. Une enquête dans les départements bretons // Bulletin de l'ANF. Juillet 1992. 212. P. 31–34.* В этой заметке де Фрондевилль представляет читателям ANF наиболее, на его взгляд, интересные результаты опроса, проведенного Бенуа де Вильнев.

15. Франсуа де Негрони и Жан-Франсуа Деруссо де Вандьер приводят в своей книге следующий пример. Когда ребенок из аристократической семьи слышит, как отец говорит матери: «„Я бы предпочел, чтобы ты не ставила герань на подоконник“, необходимо понимать: „Горшки с цветами никогда не ставят на окно — так делают только простолюдины“. Если вслушаться повнимательнее: „Мой отец никогда не поставил бы цветы на подоконник, он от этого упал бы навзничь, он бы умер — должно быть, перевернулся в своей могиле“. И в последнем прочтении: „Ставить цветы на окна — так не делается, и точка“». Ср.: *De Negroni F, Desrousseaux de Vandières J. F. Le comte de Mirobert se porte bien. P.: O. Orban, 1987 op. cit. P. 17.*

мости от места проживания (в семье или вдали от нее), от заключенных альянсов, от избранной стратегии реконверсии¹⁶, а также от характера семейной траектории — восходящей либо, напротив, нисходящей. Из чего, однако, не следует, что семейное воспитание потеряло все свое значение; в различных группах дворянства оно остается главным источником имплицитного усвоения чувства отличия и веры в это отличие, якобы отделяющее их от других групп¹⁷.

ШКОЛЫ ДЛЯ ИЗБРАННОГО ОБЩЕСТВА

Воспитание молодых дворян, перешедших порог детства и раннего отрочества, недолго доверялось исключительно наставникам, гувернанткам или воспитательницам. Начиная с XVI века традиционная модель обучения, основанная на сочетании куртуазных искусств (музыка, танец, галантность) и военных искусств (физические упражнения, верховая езда, фехтование), перестает удовлетворять потребности дворянина. Академии, которые предлагают план обучения, разработанный Ла Ну (La Noue) и воплощающий нечто среднее между «дворянским невежеством» и «коллежской наукой», несомненно, лучше всего отвечают ожиданиям дворянства¹⁸. Уделяя большое внимание физическим упражнениям и знаниям, непосредственно готовящим к «ремеслу» дворянина, они становятся теми учеб-

16. Реконверсия (термин социализма Пьера Бурдьё) означает изменение социальной позиции агента посредством трансформации капиталов (экономического, символического, культурного), которыми владеет агент в силу принадлежности к тому или иному социальному полю, в капитал иного типа, главенствующий в другом поле. Например, титул, наделяющий своего владельца значительным символическим капиталом, может быть сравнительно легко конвертирован в экономический капитал (знаменитое имя открывает многие двери, в частности позволяет получить хорошо оплачиваемую должность); напротив, нувориш, мечтающий приобщиться «старине» и «настоящей знатности», может потратить значительные суммы на приобретение титула и фамильного замка. Примером конвертации капиталов также может служить ситуация университетского профессора, который, достигнув определенного этапа в своей карьере, способен конвертировать накопленный им культурный капитал (знания, репутация) в экономический (благодаря более высокой зарплате, консультированию, чтению лекций или продаже книг). — *Прим. пер.*

17. С целью уточнения этих положений было бы полезно провести исследование, основанное на этнографическом наблюдении в ряде семей парижской и провинциальной аристократии.

18. Chartier R., *Compère M. M., Julia D. L'éducation en France du XVIe au XVIIIe siècle*. P.: Sedes, 1976; особенно гл. V.

ными заведениями, которые отличают настоящего придворного от буржуа.

Однако уже в XVII веке бурный рост переживают колледжи, начавшие основываться с конца XV века по инициативе «братьев общей жизни», университетских реформаторов, иезуитов и протестантов. А в 1760–1770-х годах, после изгнания иезуитов, при наиболее престижных колледжах открываются пансионы, принимающие наряду с сыновьями дворян и офицеров значительное число детей чиновников и представителей либеральных профессий¹⁹. Без сомнения, поначалу дворяне не торопятся отправлять в эти заведения своих сыновей, по-прежнему отдавая предпочтение академиям. Однако со временем все большее число детей аристократов будет поступать в колледжи, успех которых растет, с одной стороны, вследствие улучшения качества самого учебного предложения и, с другой стороны, в результате более или менее прямого давления, оказываемого властью поддерживающими, в частности Ришелье, чьей целью было объединить вокруг себя верное и покорное дворянство.

Так, в начале XVII века иезуитскому колледжу де ла Флэш (*de la Flèche*) удастся привлечь немалое число сыновей герцогов, маркизов и графов (500 учеников из 1200 в 1607 году), а 300 воспитанников пансиона парижского колледжа де Клермон «принадлежат к цвету знати королевства»²⁰. Однако придворные дворяне задерживаются в колледжах ненадолго, с тем чтобы продолжить свое образование в академиях, где они приобретают наиболее ценные для себя навыки, совершенствуясь в верховой езде, фехтовании, танце, рисунке, музыке, и постигают основы наук, связанных с искусством ведения войны, таких как география и фортификация.

В отличие от мальчиков, девочки еще долгое время продолжали получать исключительно домашнее воспитание, в том числе в отроческие годы. Однако с конца XVI века некоторые религиозные братства, в частности Нотр-Дамская конгрегация, начинают открывать школы, предназначенные для дочерей дворян²¹. С XVIII века наследники самых знатных семей старинного дворянства принимают в свои стены знаменитые монастыри (Пантемон, Аббе-о-Буа, Пор-Рояль), пансионы Визитандинок и Бенедиктинок, включаясь в широкую сеть светской социа-

19. Ibid.; в частности, гл. V и VI.

20. Согласно *Les Litterae annuae*. Цит. по: Dupont-Ferrier G. Du collège de Clermont au lycée Louis-le-Grand, P., 1921. Т. 1. P. 65.

21. Aubry M. E. La congrégation de Notre-Dame à Nancy et l'éducation des filles aux XVIIe et XVIIIe siècles // *Annales de l'Est*. 1974. № 1. P. 75–96; Chartier R., Compère M. M., Julia D. Op. cit.

бельности: к примеру, разнообразные балы, театральные представления, свадебные церемонии пансионеров привлекают их семьи и друзей в Аббе-о-Буа, в то время как дочери новых дворян обучаются, скорее, у Урсулинок²².

В XIX веке, а точнее, между 1808 и 1880 годом образовательные конгрегации переживают эпоху своего расцвета: в этот период появляются 400 новых женских конгрегаций, а количество монахинь, значительно сократившееся в годы революции, увеличивается с 13 000 в 1808 году до 127 000 в 1878 году. С целью решения насущной для того времени задачи обучения дочерей представителей господствующего класса были открыты новые учреждения, самыми известными из которых стали школа Сакре-Кер, основанная в 1820 году, Ла Тур, открытая в 1821-м дамами де Сен-Клотильд, а также пансионы, созданные монахинями де л'Ассомпсьон, в частности Любек²³. Между различными монастырями и пансионами всегда существовала четкая иерархия: монахини и ученицы из Сакре-Кер имеют по большей части аристократическое происхождение, в то время как в Уазо дочери аристократов учатся вместе с дочерьми крупных буржуа. В пансионе де л'Ассомпсьон проживают в основном «девочки из высшей парижской буржуазии и реже — из старинного дворянства»²⁴. Эти учреждения разнятся также методами воспитания и стилем отношений между монахинями и ученицами. Так, в Сакре-Кер акцент сделан на формировании «сильных женщин», отличающихся развитым чувством долга, самообладанием, умеющих справиться с любой ситуацией и держаться в обществе, в то время как в Уазо усилиями монахинь и учительниц культивируются семейные ценности и простота — в обстановке менее суровой, но также и менее аристократической.

Частные учебные заведения, чаще всего католические, приобретают все большую значимость после Первой мировой войны. До самого недавнего времени в их функции входило давать то, что можно было бы назвать дипломом хорошего воспитания, и закреплять заложенные в семье диспозиции. Кроме того, они даже могли способствовать большему сплочению внутрисемейных связей, например между сестрами и кузинами, благоприятствуя созданию сетей внутри женской части семьи²⁵. Эти

22. *Sonnet M. L'éducation des filles au temps des Lumières. P.: Cerf, 1987.*

23. *D'Ainval C. Le couvent des Oiseaux. Ces jeunes filles de bonne famille. P.: Perrin, 1991. P. 148–149, 159.*

24. *Bricard I. Saintes et pouliches. L'éducation des filles au XIXe siècle. P.: Albin Michel, 1985. P. 53.*

25. Этот феномен хорошо описан Марией-Хеленой Буэно Триго в ее исследовании семей крупных владельцев кофейных плантаций в бразильской провинции Сан-Паоло, дочери которых посещали частные католические

частные школы, характеризующиеся большой социальной однородностью, в действительности поощряли развитие эндогамии: относительно большое число их учениц выходили замуж за братьев или кузенов своих одноклассниц.

И хотя вот уже долгое время не существует таких частных школ, где большинство учеников имели бы аристократическое происхождение, очевидно, что дворянские семьи до сих пор отдают предпочтение некоторым заведениям, таким как Уазо, Любек, Ла Тур, Сент-Мари, ле Сакре-Кер, способствующим укреплению чувства принадлежности к привилегированной группе и дающим уверенность, что их дочери общаются лишь с представителями «хороших семей», то есть с детьми и преподавателями, происходящими из других аристократических семей или высших слоев буржуазии.

Лицей для девочек — об этом не могло быть и речи. В то время Мольер и Ла Фонтен [лицей] пользовались «плохой репутацией». Поэтому мои родители, выбирая между л'Ассомпсьон, прозванной Любек, Ла Тур и Сент-Мари, определили меня именно в эту школу, где мы вполне сознательно культивировали чувство элитизма.

Так пишет Маргерит де Роан-Шабо, наследница семьи высшей аристократии, чье детство и отрочество прошли между XVI округом Парижа²⁶ и замком де Жосслен в Бретани у ее бабушки по отцовской линии и которая посещала школу Сент-Мари в 1950-е годы²⁷. «Смешение традиционализма и либерализма», которое, по ее словам, характеризовало их семью, допускало, чтобы мальчики посещали лицей, однако лишь при том условии, чтобы этот лицей, подобно Жансон-де-Сайи, имел хорошую репутацию (ее братья учились в частных заведениях); вместе с тем для девочек в течение долгого времени посещение лицея оставалось за пределами возможного.

колледжи, содержащиеся французскими или бельгийскими монахинями. Эти колледжи, наряду с другими защищенными и социально однородными местами, усиливали в умах учениц закладываемую в них с детства идею, что они не похожи на других детей, что они принадлежат «важным» семьям и что у них есть права и обязанности, четко определенные в социальной структуре. Ср.: *Bueno Trigo M. H. Ser e parecer. Estudo sobre as praticas de reprodução social do grupo cafeicultor paulista. São Paulo, 1989.*

26. Округ Парижа, где традиционно проживают семьи, занимающие наиболее высокое положение в социальной иерархии. — *Прим. пер.*

27. *De Rohan-Chabot M. Roi ne puis, Prince ne daigne, Rohan suis // Autrement. Avril 1987. 99. P. 25–28.*

ШКОЛА ДЛЯ ДЕВУШЕК ИЗ «ХОРОШЕЙ СЕМЬИ»

Анализ особенностей и логики функционирования одной из таких частных школ, пользующихся особой известностью и предназначенных для девушек из «хороших семей», показывает, что — ценой уступок буржуазной морали и благодаря строжайшему отбору — она обеспечивает обучение и подготовку молодых девушек из аристократических семей к их будущему жены, вступившей брак с человеком предпочтительно своего круга, к роли образованной, скромной и эффективной супруги, способной по необходимости заниматься профессиональной деятельностью, а также умело преумножающей связи и известность семьи, умеющей постоять за имя и честь своих близких; при этом обучение наукам и интеллектуальная деятельность в некоторой степени отходят на второй план²⁸.

Школа Нотр-Дам дез Уазо (*Notre-Dame des Oiseaux*), расположенная в XVI округе Парижа на улице Микель-Анж, а ранее — в VIII округе на улице де Понтье, рассчитана примерно на 1500 учеников, поделенных между смешанной начальной и средней женскими школами. Исключительная социальная однородность учениц, а также их учительниц и монахинь позволяет этому заведению развивать и дополнять домашнее воспитание, иногда отклоняясь от него, но никогда ему не противореча, и осуществлять функции, возложенные на школу одновременно родителями и ее управляющими. Ученицы аристократического происхождения составляют в ней относительно большую группу: между 1956 и 1965 годом 19% учениц выпускного класса носили фамилию с частицей «де»; их число почти не изменилось и между 1976 и 1985 годом, составив 18%.

Статистические данные, собранные по заказу Министерства народного образования, не являются именными, но позволяют узнать профессию родителей учащихся (не уточняя, аристократическое ли у них происхождение). Более двух третей девушек, записанных в 1980–1981 годах в 8-й и 10-й классы школы Нотр-Дам дез Уазо или в Институт де л'Ассомпсьон (Любек), также расположенный в XVI округе Парижа, происходили из семей промышленников, банкиров, крупных коммерсантов, инженеров или высших управленческих кадров; 13% учениц составляли дочери представителей либеральных профессий. Число учениц, вышедших из среднего и рабочего классов, в обеих школах было,

28. Первые выводы исследования, посвященного этой школе, изложены в моей статье: *De Saint Martin M. Une «bonne» éducation // Ethnologie française. Janvier-mars 1990. № 1. P. 62–70.* (Большая часть интервью, легших в основу данного исследования, осуществлены Клэр Живри.)

напротив, невелико (менее 10%); еще реже определяли сюда своих дочерей университетские преподаватели (5%).

Основанная в XVI округе Парижа монахами-иезуитами школа Сен-Луи де Гонзаг, более известная под именем Франклина, которой посвятил одно из своих исследований Жан-Пьер Фагер, представляет довольно схожие социальные характеристики: в 1959–1960 годах примерно девять из десяти учеников, посещавших все три класса риторики, являлись сыновьями высших управленческих кадров, руководителей предприятий или представителей либеральных профессий, в то время как менее 5% из них происходили из семей преподавателей. В ежегодных перечнях выпускников этой школы можно найти многие имена, принадлежащие цвету аристократии (Брольи, Монталамбер, Полиньяк, Ларошфуко, Воге) и крупной католической буржуазии, и, напротив, крайне мало имен людей искусства, писателей и профессоров. В отличие от частных школ Левого берега²⁹, подобных Эльзасской школе и Станислас, или даже некоторых заведений Правого берега, таких как Сент-Круа де Нейи, здесь не встречается ни одного имени известного писателя либо университетского профессора (Филипп Арьес, который, впрочем, недолго посещал эту школу, составляет единственное исключение). Те выпускники школы, которые стали работать в интеллектуальной сфере, были, скорее, журналистами — в основном в экономических отделах — или владельцами газет, чем университетскими преподавателями; в политической — скорее, членами центристских или правых партий и офицерами, будучи сами нередко сыновьями офицеров³⁰.

Поддержанию социальной однородности преподавательского корпуса уделялось в Уазо едва ли меньше внимания, чем тщательному отбору учениц. Стремительное уменьшение числа монахинь (на настоящий момент из 90 преподавателей их осталось не более пяти), которые часто происходили из приходящих в упадок аристократических семей или крупной провинциальной буржуазии, как и привлечение светских преподавателей после подписания договора с Министерством народного образования в 1960 году, более квалифицированных, но при этом имеющих и более пестрое, чем в прошлом, социальное происхождение, по существу не смогли изменить дух и атмосферу школы. Даже если некоторые из них направлялись сюда инстанцией,

29. Имеется в виду Левый берег Сены, использующийся фактически как синоним Латинского квартала, интеллектуального и артистического центра Парижа, в отличие от Правого берега — буржуазного. — *Прим. пер.*

30. См.: *Faguer J.* — *P. Les effets d'une «éducation totale». Un collège jésuite, 1960* // *Actes de la recherche en sciences sociales*. Mars 1991. № 86–87. P. 25–43.

координирующей вакансии должностей преподавателей в частном секторе образования, чаще всего набор учителей осуществлялся по знакомству. Многие преподаватели, в том числе директор, сами являются выпускницами этой либо подобных ей школ и происходят, как и их ученицы, из «хороших» семей. Все они получили религиозное воспитание, более половины учатся или окончили специализированное духовное заведение (Кафедральная школа, диплом по теологии), и около 40% преподают Закон Божий в своих приходах; при этом многие из них также занимаются другими видами благотворительной деятельности на общественных началах.

Частная школа, представляя собой изолированный мир, зарезервированный для выходцев из особого «крута», как его эвфемистически и несколько стыдливо называют монахини и учителя, а также родители (не отваживаясь говорить об «элите»)³¹, гарантирует пространство отношений еще более однородное, чем высшие школы³²: в Уазо практически невозможно встретить, даже случайно, тех, кто не принадлежал бы данному «круту».

Этот «крут», по словам бывшей настоятельницы школы, в основном представлен семьями, живущими в южной части XVI округа, в которой царит

...намного более семейная атмосфера, чем в северной, и для которой характерны многодетные семьи. Здесь большую роль играет семья, чем деньги [в сравнении с Севером], здесь меньше светскости, но все-таки это XVI округ, и здесь относительно мало громких фамилий... Набор учеников осуществляется по семейному принципу — порой у нас учатся, поколение за поколением, целые семьи или дети выпускниц — либо по знакомству.

Настоятельница подчеркивает семейный характер заведения отнюдь не случайно, но в не меньшей степени она осознает и его светскую сторону, которую упоминает для того, чтобы объяснить уход и без того редких учениц, происходящих из среднего и рабочего классов:

31. Например, Кристиана д'Энваль в своей книге совершенно не касается профессий родителей учениц и социального происхождения монахинь или учительниц (*D'Ainval C. Op. cit.*). Ученицы и выпускницы школы, как и преподаватели, осознают свою принадлежность к особому кругу, однако хорошим тоном считается не касаться этого предмета в разговоре и не задавать таких вопросов.
32. Так называемые высшие школы (*Grandes écoles*) представляют собой параллельную университетам систему высшего образования во Франции, пользуясь репутацией элитарных и элитных заведений.

Параллельно с этим тут разворачивается целая светская жизнь. <...> Когда у вас есть девочки, для которых устраивают балы, которые вхожи в бог знает какие кружки, они об этом говорят меж собой; в то же время другие дети, лишенные всего этого, чувствуют себя несчастными.

Поэтому эти девочки уходят из школы. Таким образом, нет нужды в том, чтобы официально вводить строгий отбор или устанавливать преграды для того, чтобы ученицы или семьи, не относящиеся к буржуазии или аристократии и более или менее случайно оказавшиеся в школе — по причине географической близости, — быстро оттуда исключались. Семьи, определяющие своих дочерей в Уазо, могут быть уверены в том, что там они будут воспитываться в абсолютно защищенном мире. Ученицы постоянно находятся в узком кругу себе подобных, встречаясь за партией в теннис или бридж, на вечеринках, балах, в театре, во время каникул с другими ученицами или выпускницами этих школ, а также с братьями, кузенами и друзьями своих одноклассниц.

Ученицы и учительницы, родившиеся в аристократических семьях или, еще чаще, в семьях, входящих в высшие слои буржуазии, — таких в школе большинство — обладают богатым приданым (*patrimoine*): главным образом в форме символического и социального капитала — имя, почет, преданность семье и роду, обширные знакомства (в случае аристократии); в форме экономического капитала, но также семейной репутации (в случае деловой буржуазии). Сочетание в стенах одной школы учениц, принадлежащих средней католической аристократии, не отказавшейся от своих ценностей, все еще стоящей на страже своих интересов и семейного состояния, а также учениц, происходящих из «старой доброй» буржуазии, исповедующей католицизм, нередко консервативной, аскетичной и порой отличающейся антисемитизмом, уверенной в собственных ценностях и убежденной в своем превосходстве над «нуворишами», вносит минимум разнообразия в эту однородную группу. Объединяют же и тех и других вера в схожие ценности, отказ от критического мировосприятия, страх перед интеллектуальной деятельностью, огромное недоверие, граничащее с ужасом, по отношению к лицам и университету, а также домашнее воспитание, в котором теснейшим образом сочетаются обучение хорошим манерам и христианская благотворительность. Так, школа приобретает еще одну функцию — знакомить между собой учениц, которые, несмотря на близость, в противном случае имели бы мало шансов узнать друг друга, и научить их выбирать друзей и знакомства в «кругу», который является не вполне их собственным. В крайнем случае, присутствие в заведении нескольких

учениц иностранного происхождения, предпочтительно азиатского, и нескольких — из семей новой буржуазии, порой немного «экстравагантных», укрепляет во всеобщем мнении «открытость» школы, но пределы допустимого в этой экстравагантности и непохожести всегда четко ограничены.

В 1960 году, когда слияние или в действительности поглощение Института Мэнтнон Школой Нотр-Дам дез Уазо оказалось единственным решением, позволявшим решить проблему нехватки помещений, возникшей вследствие увеличения числа учениц, настоятельница, которой до той поры всегда удавалось управлять школой, избегая конфликтов и трений, без колебаний отправила восвояси 200 учениц Института Мэнтнон, чей «характер» входил в полное противоречие с духом Школы Уазо и чья «нравственность» была «возмутительной». Как она объясняла, речь шла об

...очень богатых девочках, об иностранках, которые вели себя крайне плохо и думали лишь о своей внешности. У меня была ученица 9-го класса — такое я видела впервые в жизни, — которая держала в своем отделении для книг массажный валик, чтобы делать себе массаж во время уроков. Это означает, что занятия не особенно ее интересовали; это вопрос воспитания.

В этом сугубо женском и асексуальном универсуме, в котором господствовали религия и католическая нравственность, а удовольствие было под запретом, интерес к своему телу считался наиболее ярким проявлением «плохого воспитания», угрожавшим моральному авторитету и репутации школы.

Устойчивость заведения, тесная связь между домашним и школьным воспитанием, а также целостность этого воспитания, нераздельно религиозного и светского и в то же время включающего в себя элементы собственно школьного обучения, обеспечиваются еще и тем, что в жизнь школы активно вовлекаются родители, и при этом не только в связи с «большими» событиями (мероприятия в «защиту» частного образования, благотворительные ярмарки, подписка на строительство новых корпусов, собрания и т. д.), но и по повседневным вопросам, которые могут касаться морального авторитета школы³³. Ни одно

33. Это единство домашнего и школьного воспитания существовало всегда, но раньше оно могло быть достигнуто без организации каких бы то ни было собраний и специальных согласований. Так, еще в 1940-е годы «Уазо и родители были двумя отдельными мирами, мало общавшимися друг с другом. Родители встречались с учителями крайне редко, и не устраивалось никаких родительских собраний. <...> Мнения родителей и учителей никогда не пересекались», что давало ученицам ощущение большой «свободы» (Ibid. P. 208).

важное новшество в жизни школы не могло быть введено против воли родителей.

Так, в 1989 году было принято робкое решение постепенно стать «смешанной средней школой»: сначала мальчики были приняты в два из пяти наличных шестых классов и затем, постепенно, их должны были принять в пятый класс в 1990 году, в четвертый — в 1991-м и в третий³⁴ — в 1992 году, если опыт окажется удачным. И это после более пятнадцати лет раздумий, обсуждений, согласований с другими католическими институтами XVI округа и опроса, проведенного в октябре–ноябре 1988 года среди родителей учениц, большинство из которых (66%) выразили свое согласие с этим решением, в то время как лишь 29% семей высказались скорее или совершенно против него³⁵.

Решение о введении смешанного обучения, воспринятое некоторыми родителями как «великая перемена» или даже «революция», было вызвано еще и опасениями очутиться в арьергарде (консервативном и интегристском) частных образовательных учреждений, стать, по словам начальницы школы, «островком безопасности или попросту закоснеть по причине нежелания посмотреть в лицо проблемам своего времени»³⁶. При этом совет Ассоциации родителей настаивал на необходимости того, чтобы смешанный набор не сопровождался «последующим снижением строгости отбора учащихся», но, напротив, позволил принять в школу «достойных молодых людей»³⁷. Большинство мальчиков, принятых в Уазо, были уже так или иначе с ней знакомы: зачастую они сами окончили ее начальную школу, которая стала смешанной за десять лет до этого, а нередко здесь учатся их сестры. Следовательно, их появление в школе не может угрожать социальной однородности учащихся. Таким образом, элементы новизны, вводимые в той или иной форме в это однородное поле, всегда тщательно контролируются.

Воодушевленные тем, что почиталось ими за «успех» и что в другом месте расценивалось бы как запоздалая и вынужденная адаптация, а также, несомненно, чтобы доказать самим себе, что они умеют быть открытыми, великодушными и понимающими, дирекция школы, преподаватели и родители дали свое согласие на то, чтобы несколько мальчиков пошли во второй класс уже

34. Во Франции принята обратная нумерация классов — 1-й соответствует нашему выпускному и т. д. — *Прим. пер.*

35. *Compte rendu de l'enquête réalisée auprès des parents d'élèves sur l'introduction de la mixité à Notre-Dame des Oiseaux dans le secondaire* // Notre-Dame des Oiseaux. Année scolaire 1988–1989. P. 11–15.

36. Intervention de Sr Cécile à l'Assemblée générale de l'APEL sur la question de la mixité (15.11.1988) // Ibid. P. 9).

37. Le mot de l'APEL // Ibid. P. 38.

в сентябре 1990 года (или на три года раньше установленного срока). Для этого понадобилось, чтобы родители слепого мальчика, некогда посещавшего начальные классы Уазо и желавшего теперь вернуться в эту школу, попросили о его записи. Посоветовавшись с учителями и родителями, дирекция приняла положительное решение. А так как казалось нежелательным принять в класс всего одного мальчика, то были запрошены кандидатуры других молодых людей — его друзей, братьев учениц и т. д. Наконец в школу были записаны девять мальчиков, и в сентябре 1990 года открылся смешанный второй класс, при том что другие классы оставались исключительно женскими³⁸. По возвращении со школьных каникул, как рассказывают два учителя, девочки выказали большой энтузиазм и волнение, однако уже вскоре заведение обрело свои обычные спокойствие и тишину. Когда же первый год эксперимента подошел к концу, эти учителя смогли с удовольствием отметить, что «мальчики с их прямоотой, непосредственностью, простотой в отношениях содействовали... усилению атмосферы аутентичности и доверия»³⁹.

Импульс к большей открытости находит и другие выражения. В частности, начальница школы, движимая заботой о том, чтобы служить не одним только «частным интересам», но и отвечать «нуждам католического образования», предложила открыть вечерние курсы для молодых взрослых, желающих получить диплом о среднем образовании и «отличающихся возрастом и биографией» от обычных учеников. Страхи некоторых родителей, посчитавших подобное нововведение слишком рискованным, удалось довольно быстро успокоить. Совет Ассоциации родителей принял на себя труд внести следующее уточнение:

Мы совершенно убеждены, что данный проект не изменит ни дух, ни воспитательный план нашей школы уже хотя бы в силу несоответствия по времени [дневных и вечерних занятий]⁴⁰.

Новые ученики и ученицы, поначалу весьма немногочисленные (15 девушек, 5 юношей в 1989/1990 учебном году) и довольно близкие обычным ученицам если не в учебном, то в социальном отношении, никогда с ними не встречаются. Спокойствие девочек ничем не нарушено, а дирекция, учителя и родители могут в то же время испытывать чувство выполненного долга, отдавая себя «задаче воспитания и развития лиц», находящихся

38. Fabre A., Sokal D. De la mixité en seconde // Ibid. P. 39.

39. Ibid.

40. Le mot de l'APEL // Ibid. P. 38.

в сравнительно менее благоприятных условиях, чем их обычные ученицы⁴¹.

Несмотря на то что в Уазо приоритет отдается «хорошему» воспитанию, это не означает пренебрежительного отношения к собственно школьным результатам: хорошая учеба поощряется и диплом о среднем образовании получают более 90% учащихся, однако к проявлениям излишнего усердия и рвения к учебе относятся здесь с недоверием. Обучение поставлено на службу более общим задачам воспитания: воспитательный план, или школьный устав, напоминает, что «интеллектуального опыта недостаточно для обретения жизненной гармонии; в ответ на эту, порой неосознанную, необходимость религиозный опыт и катехизис предлагают в духе терпимости фундаментальные... ценности»; что же касается «разумного приобщения к культуре», то оно считается «необходимым условием расцвета личности»⁴².

В Уазо школьное обучение не имеет ценности само по себе и не является самоцелью: не ставя превыше всего критический ум, здесь не поощряют девушек, проявляющих наибольшие способности к учебе, готовящихся в серьезные вузы или к интеллектуальной карьере. Среди ее выпускниц нет ни одной агреже⁴³ или студентки Высшей нормальной школы для женщин⁴⁴.

41. *Sœur Cécile*. Notre-Dame des Oiseaux en projet // Ibid. P. 9.

42. Notre-Dame des Oiseaux. Projet éducatif (Texte élaboré par l'ensemble de la communauté éducative). 1983. 1 p., ronéo. При этом не менее важно было бы проанализировать само содержание получаемого образования, общее представление о котором мы можем получить, читая мемуары Кристианы д'Энваль, обучавшейся в Уазо во время Второй мировой войны: «Могло бы показаться удивительным, что вместо того, чтобы рассказывать о самой учебе и о наших учителях, я прежде принимаюсь объяснять, что матушки заменяли нам психологов и даже психоаналитиков! Причина этого кроется в том, что полученное на занятиях нравственное воспитание было для большинства из нас важнее, чем все остальное». Однако далее она раскрывает некоторые подробности своего обучения. Мать Мари-Тарцисиус, преподававшая на протяжении многих лет философию, не рассказывала своим ученицам [в 1945 году] ни о Ницше, ни о Марксе, ни о Гегеле, ни даже о Сартре, который «начинал тогда приобретать известность». «Мы также не изучали, приходится признать, отца Тейяра де Шардена, чьи публикации находились под запретом Рима, ни его предшественников Ламарка и Дарвина, от эволюционизма которых пахло серой. Модным автором, которого мать Мари-Тарцисиус цитировала при каждом удобном случае, был Бергсон» (*D'Ainval C. Op. cit. P. 223–235*).

43. Звание, которое присуждается при успешном прохождении общенационального академического конкурса на замещение должности преподавателя лицея или высшего учебного заведения. — *Прим. пер.*

44. Высшая нормальная школа, женское отделение (*ENS de filles*) — наиболее престижный вуз во Франции, готовящий к исследовательской и преподавательской деятельности. — *Прим. пер.*

Несмотря на то что после 1960 года — момента подписания договора с государством — произошли большие перемены в сравнении с эпохой *классического женского образования*, когда более половины учениц выпускного класса, большую часть которых составляли дочери аристократов, имели облегченные курсы математики, физики, философии, чтобы посвящать больше времени литературе, истории искусства, кройке и шитью, и сдавали экзамен в Католическом институте вместо всеобщих выпускных экзаменов (*baccalauréat*), — школа пошла, в сущности, на небольшие уступки общеобразовательной логике, сумев заставить уважать родителей и учеников ее собственную иерархию ценностей и интересов.

Эффект религиозного воспитания, обращенного к личности и семейным ценностям, организации по семейному образцу (ученицы обращаются к монахиням со словами «матушка», «сестра») религиозных праздников, особенно в честь Девы Марии, новогодних мероприятий или проводов на покой, благотворительных ярмарок, проходящих в семейной атмосфере, — все это, отвечая молчаливому договору, существующему между родителями и учителями или монахинями относительно целей воспитания, позволяет школе готовить учениц (без необходимости прямо говорить им об этом) к роли просвещенных супругов и счастливых матерей.

Среди выпускниц школы разводы и раздельное жительство супругов довольно редки, однако выходят замуж они теперь все позднее и все чаще занимаются профессиональной деятельностью. По окончании учебы устраиваются на работу почти все бывшие ученицы Уазо, однако при этом дочери аристократов — несколько реже, чем девушки из крупной бизнес-буржуазии. Все те профессии, которыми они занимаются пусть и недолгое время, объединяет то, что они требуют сочетания традиционных женских качеств и тонкого чувства отношений, способности установить контакт и развить его. Неслучайно многие из них занимаются рекламой, связями с общественностью, журналистикой, а также нередко работают в парамедицинском секторе и являются мануальными терапевтами, кинезитерапевтами, воспитательницами, специалистами по уходу за младенцами и т. д.; некоторые становятся учителями, предпочтительно в частных заведениях, другие — помощницами директоров или управляющих. Иногда они выбирают профессию, связанную с искусством, или открывают собственный бутик, торгующий оригинальными ювелирными украшениями либо предметами искусства.

И хотя занятие профессиональной деятельностью по окончании учебы является отныне довольно обычной составляющей образа жизни выпускниц Уазо, работа никогда не стоит для них

на первом месте. Поскольку приоритет чаще всего отдается профессиональной карьере мужа и воспитанию детей, временное или окончательное прекращение работы представляется вполне приемлемым шагом.

Так, школа Нотр-Дам дез Уазо, как и другие школы, принадлежащие старинным и известным религиозным братствам и расположенные в наиболее престижных кварталах, до сих пор порождают у своих учеников чувство принадлежности к особой и отличной от других группе. Но основной их функцией остается воспроизведение власти семьи, что составляет важнейший интерес для семей аристократии, а также высших слоев буржуазии.

ШКОЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА АРИСТОКРАТИИ

До самого недавнего времени как девочки, так и мальчики из аристократических семей, как правило, посещали частные учебные заведения. Сторонясь системы государственного образования (за исключением лицеев), аристократия, в том числе парижская, обычно относилась к ней с недоверием или даже враждебностью.

Так, директора промышленных или торговых обществ и банков, имеющие аристократическое происхождение и фигурирующие в справочниках *Who's who*, в большинстве случаев посещали, скорее, частные заведения, чем средние государственные школы, и учились в частных начальных школах намного чаще, нежели другие директора крупнейших французских предприятий, среди которых доля тех, кто посещал частные учебные заведения, все-таки выше, чем среди других представителей правящего класса — финансовых инспекторов, префектов, членов кабинетов министров, университетских профессоров. Кроме того, первые чаще остальных обучались в религиозных колледжах, в частности в Сен-Луи де Гонзаг, но также в Станислас, Сент-Круа де Нейи, Сент-Женевьев либо в других провинциальных или парижских колледжах.

Но аристократии становилось все сложнее игнорировать систему государственного образования по мере того, как наличие государственных дипломов начинало требоваться все чаще, в частности, при устройстве на работу, а собственное экономическое состояние — особенно земельные владения — все более сокращалось, перестав наконец давать достаточно средств. Многие семьи стали стремиться присовокупить к дворянскому званию университетское, в то время как другие, все менее мно-

гочисленные, продолжали отвергать образовательную систему (сын маркиза и особенно дочь «не нуждаются в том, чтобы продолжать учебу после средней школы»⁴⁵).

Постепенный переход от преимущественно семейного способа воспроизводства к способу воспроизводства, в котором доминирует школа, имел для аристократии, в том числе провинциальной, немаловажные последствия. Обратимся к примеру, который нам кажется особенно показательным, одной знатной бретонской семьи, ведущей свою родословную от Франсуа-Мари де Дьелеве (1748–1821) и Селесты ле Жанти де Ромордек (1768–1840). Вот что писал один из них, Ален де Дьелеве, в 1976 году:

Было время, когда члены нашей семьи получали только базовое образование и лишь единицы продолжали учиться дальше, что, впрочем, не вело ни к какой профессиональной деятельности.

Этим недостатком все еще страдало большинство наших предков в третьем поколении, как и значительная часть четвертого, где, несмотря ни на что, уже можно встретить профессиональные карьеры, основанные на более систематическом образовании, полученном в высших школах или университете. В пятом же поколении (в котором пока далеко не все достигли взрослого возраста) — хотя и тут еще встречаются обладатели и обладательницы более чем легкого багажа знаний, которые вынуждены «брать» уверенность в различных «ситуациях», в чем они, надо сказать, с Божьей помощью обычно неплохо преуспевают, — представлена практически вся гамма высших школ, государственных и частных, а также университетских дипломов⁴⁶.

К сожалению, данные, представленные Аленом де Дьелеве, не позволяют проанализировать распределение членов этой семьи по различным высшим учебным заведениям. Однако, вопреки тому, что можно понять из его слов, кажется маловероятным, чтобы большинство из них поступили в университеты и разные типы учебных заведений, имеющих университетский статус.

45. Потомки «дворянства мантии» дают своим детям высшее образование все-таки несколько чаще, чем потомки «дворянства шпаги».

46. См. вступление к справочнику Алена Дьелеве 1976 года, знакомящему с 886 потомками Франсуа-Мари Дьелеве: *De Dieuleveult A. Annuaire Dieuleveult* 1976. P. 18. Где он, в частности, уточняет, что среди потомков Франсуа-Мари Дьелеве и Селесты ле Жанти де Ромордек в четвертом поколении 95% юношей посещали частные учебные заведения (1/3 — иезуитские и больше половины — единственный колледж Сен-Винсен в Ренне) и 5% — государственные школы, а 100% девушек учились в частных заведениях. В пятом поколении (вошедшем во взрослый возраст в конце 1970-х годов) частные учреждения окончили 67% юношей (1/4 из них — иезуитские) и 74% девушек.

К примеру, исследование, проведенное на материале, представленном Ассоциацией французского дворянства, показывает, что те из ее членов, которые указали полученные ими дипломы о высшем образовании и которые составляют меньшинство (39%), — можно предположить, что большая часть тех, кто не указал своих дипломов в соответствующей графе анкеты, имеют только среднее образование либо окончили такие вузы, о которых они предпочитают умолчать, — реже всего посещали филологические и естественно-научные факультеты (менее 4% в обоих), а также медицинский факультет (3%), в то время как наиболее распространенным среди них является юридическое образование (17,1%). Самой большой популярностью у членов ассоциации пользуются те высшие школы, вне зависимости от их социального престижа, которым традиционно отдают предпочтение дворянские семьи: Сен-Сирское училище (10,4%), агрономические школы (7,8%). Однако в последнее время все большую популярность приобретают различные школы управления (18,6%) и Институт политических исследований (11,1%)⁴⁷. Уровень образования и дипломы, полученные женами [членов клуба], почти никогда не указываются и потому нам неизвестны.

Сравнительно редко упоминают о своих университетских дипломах потомки дворян, постоянно живущие в провинции (69%), что отличает их от парижских аристократов, родившихся, в частности, в XVI округе в тех семьях, которые совершили реконверсию уже долгое время назад, и чаще других уточняющих, где они получили высшее образование. Если провинциалы, указавшие в справочнике свое образование, посещали, как правило, факультет права или агрономические и сельскохозяйственные школы, то парижане из XVI округа чаще всего оканчивали престижные политические и юридические факультеты, Высшую школу коммерции или инженерную школу.

Вообще большинство наследников дворянских семей, упоминаемых в *Who's who*, посещали высшие школы и факультеты,

47. Среди членов Жокей-клуба, согласно статистике, собранной графом Бенуа д'Ази, в 1989 году насчитывалось 66 выпускников Высшей коммерческой школы [НЕС считается одной из лучших в мире в сфере экономики и бизнеса], 18 — Высшей школы экономических и коммерческих наук и 22 — Высшей школы коммерции Парижа [ESSEC и *Sup de Co Paris*]; 22 из них окончили Политехническую школу, 20 — Сен-Сирское училище [школы, готовившие специалистов для армии] и только 10 — Национальную школу управления [ENA, созданную в 1945 году для подготовки высококвалифицированных кадров для центрального аппарата государственного управления]. В то же время автор не дает никакой информации относительно университетских дипломов. См.: Le courrier du Jockey Club. Décembre 1990. № 10.

дающие, скорее, поливалентное и широкое, нежели специализированное, образование: 20,4% окончили Институт политических исследований (*Sciences Po*), 15,6% — юридический факультет Сорбонны (не считая тех довольно распространенных случаев, когда помимо права было получено еще одно образование), 12,6% — Национальную школу управления, 9,3% — Высшую школу коммерческих наук или другую управленческую школу против 7,4%, выбравших Политехническую школу, 10%, посещавших другие инженерные школы, 1,9% — медицинский факультет и 2,2% — естественно-научный.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что чем более специализированным и техническим является высшее учебное заведение, тем реже в нем можно встретить студентов, имеющих аристократическое происхождение, и что молодых аристократов особенно привлекают наиболее общие предметы или же те, что в наибольшей степени связаны с искусством подать себя, держаться, быть в обществе, управлять и заведовать людьми и материальным имуществом. Даже самый приблизительный статистический анализ позволяет увидеть, что молодые люди, принадлежащие аристократическим семьям, крайне неоднородно представлены в различных вузах, а также в их различных секциях и факультетах.

Так, особенно показательным кажется пример иезуитского лицея Сент-Женевьев, где значительную долю учеников составляют выходцы из семей провинциальной аристократии, крайне неравномерно распределяющихся по различным типам подготовительных классов, готовящих к поступлению в высшие школы. В 1966 году в классах, готовящих в школы с инженерным уклоном, насчитывалось всего 7,3% учеников, носящих фамилию с частицей «де», в то время как 14% из них готовились к поступлению в Высшую школу коммерции, 18,5% — в агрономические школы, 19,4% — в Морское училище и, наконец, 20% — в Сен-Сирское училище. В целом можно отметить тенденцию к увеличению интереса со стороны аристократии к классам, готовящим в школы управления, и, наоборот, его постепенное снижение по отношению к агрономическим заведениям. В 1973 году в Сент-Женевьев были упразднены подготовительные классы, готовящие в военные училища; дети аристократов составляли на этот момент 7,5% от общего числа учащихся в классах, готовящих к вступительным экзаменам в инженерные школы, 12,5% — в агрономические школы и 16% — в Высшую школу коммерции.

Согласно той же логике, наименьшее число учеников, носящих аристократическую фамилию, числится среди выпускников Высшей нормальной школы, что на улице д'Ульм (в выпусках 1964–1967 годов, как филологических, так и естественно-науч-

ных, всего 2,2% студентов имеют аристократическое происхождение), чуть больше их в Политехнической школе (3,1% в выпусках 1964–1967 годов), в Высшей школе коммерческих наук (5,3% в выпусках 1964–1967 годов) и, наконец, — в Национальной школе управления (7,7% в выпусках 1964–1966 по 1967–1969 год)⁴⁸.

Возникновение и неуклонный рост интереса к Национальной школе управления в среде молодых людей аристократического происхождения кажется отнюдь не случайным.

По моим наблюдениям, все мое поколение — я говорю о мужчинах — окончило Школу управления; все молодые люди, с которыми я вместе училась в Политических науках, что С., что Р., — вся аристократия открыла для себя Высшую школу управления в 1960-е годы. И все наиболее блестящие ее представители шли, разумеется, в ВШУ, все. *(Отрывок из интервью с выпускницей Института политических исследований, которая сама происходит из высших слоев аристократии.)*

Кажется, что конкурс на поступление в Высшую школу управления, особенно собеседование, в наибольшей степени соответствует ожиданиям молодых людей из знатных семей. В отчете о проведении вступительных экзаменов мы читаем:

Собеседование является не проверкой знаний [но] методом, который вместе с сочинением, сдаваемым в первый день, позволяет оценить человеческие качества [молодых людей] в том возрасте, когда они еще не очень хорошо умеют прятаться за маской и когда они уже самоутверждаются как личности, однако, будем надеяться, еще не полностью сформировались. Один из членов жюри как-то сказал: «Я пытаюсь представить, хотелось бы мне работать с абитуриентом, которого сейчас слушаю, и мог бы я полностью доверять ему». Значит, наш — довольно амбициозный — проект заключается в том, чтобы получить на выходе человека, а не существо, вооруженное до зубов дипломами и книжными знаниями. Способность признаваться в незнании, непринужденность без дерзости, а также находчивость и пытливость ума — вот прекрасные качества⁴⁹.

Ощущение ирреальности, порождаемое фиктивностью учебной ситуации, не могло бы смутить аристократа из высшего общества, неплохо подготовленного к тому, чтобы демонстрировать

48. В университетах, особенно на филологических и естественно-научных факультетах, доля студентов, имеющих аристократическое происхождение, оказалась бы, по всей видимости, ниже 1%.

49. Размышления жюри о вступительных экзаменах. См.: ENA. Epreuves et statistiques des concours de 1969. P.: Imprimerie nationale, 1970.

«непринужденность без дерзости» и уверенность в себе, позволяющую выпутаться из затруднительного положения, чтобы признавать лакуны в своей эрудиции скорее, чем выставлять на показ свою самонадеянность и знания. Но извлекать наибольшую выгоду из своих преимуществ ему также помогает сама организация занятий и практик, всего школьного уклада и околошкольной жизни. Высшая школа управления стала в некотором роде спасительной соломинкой для целой группы молодых аристократов. Те из них, кто обладал большим социальным капиталом, нашли в ней для себя идеальное высшее учебное заведение, в котором оказались востребованными их качества, их «благородные» манеры подавать себя, держаться, говорить и которое позволяло им накапливать различные звания и титулы социального и школьного отличия. Вообще, поступая в Высшую школу управления, то есть нарушая табу на государственные лицеи и вузы, молодые люди из высших слоев аристократии получали возможность — ценой сравнительно небольших усилий — при помощи диплома легитимировать получаемое ими административное и экономическое наследство, к чему начинали предъявляться все более строгие требования. Выпускникам Высшей школы управления открывалась дорога не только в дипломатию, но также в высшие органы власти, министерские кабинеты, престижные администрации.

Начиная с 1960-х годов не перестают появляться и развиваться новые высшие школы, также предназначенные для молодых аристократов и выдающие дипломы, хотя и менее престижные, чем диплом ВШУ, но все же не лишенные социальной ценности. Это были, как правило, частные школы, специализировавшиеся в управлении, маркетинге, рекламе, связям с общественностью, такие как Европейская бизнес-школа, Французская школа пресс-атташе и т. п., предлагавшие возможность совершить реконверсию сравнительно недорогой (если не с экономической, то с учебной точки зрения) ценой.

Несмотря на то что дети аристократов все реже пренебрегают школой и все чаще поступают в вузы, это не означает, что они стали всерьез интересоваться получением образования. Вследствие своего небрежного отношения к учебе они нередко переживают школьные неудачи либо бросают занятия. Молодые аристократы, реконвертировавшиеся в рекламу, связи с общественностью, профессии, связанные со СМИ, с удовольствием рассказывают в интервью о многочисленных переходах из одного учебного заведения в другое, вспоминают о школах и колледжах, из которых они были отчислены, о своих плохих результатах или провалах, о своих выходах, представляя себя в качестве учеников недисциплинированных, беспокойных, мало

интересующихся или безразличных к оценкам. Даже те редкие ученики, которые поступают в Высшую нормальную школу, не планируют посвятить свою жизнь преподаванию, испытывая страх перед излишним учебным усердием. Среди лауреатов Национального конкурса⁵⁰ практически нет учеников, которые имели бы знатное происхождение⁵¹. Можно предположить, что молодые аристократы, когда-то поступавшие на юридические факультеты, а сегодня выбирающие Институт политических исследований, Высшую школу коммерции или другие, менее престижные школы управления, ожидают от своего обучения главным образом разностороннюю образованность, общую культуру, а также степень, которая легитимировала бы «естественные» качества, полученные ими в наследство от семьи и культивируемые в семье.

* * *

Очевидно, что выбор учебных заведений, специализации и дипломов составляет ключевой элемент в системе стратегий воспроизводства [господствующего класса]. В зависимости от того, определяют ли они своих детей в известные парижские лицеи или в провинциальные частные школы, поощряют ли учебу в университете или стараются избежать ее любой ценой, представители дворянства делятся на группы, различающиеся более или менее открытым отношением к социальному миру и неравными шансами воспользоваться возможностями реконверсии, предлагаемыми школьным способом воспроизводства и особенно новыми путями доступа к властным позициям. Иначе говоря, обучение в тех или иных заведениях среднего и высшего образования может блокировать либо, напротив, усиливать диспозиции к исследованию новых профессиональных путей или выбору партнера для брака вне своей группы. Так, наследники дворянских титулов, члены Ассоциации французского дворянства, окончившие частные школы, а затем военное училище (сен-сирское, мореходное) или агрономическую школу, с большой долей вероятности не только изберут традиционную профессиональную карьеру (офицер, инспектор водного и лесного хозяйства, землевладелец, ведущий сельское хозяйство), но и обзаведут-

50. Национальный конкурс (*Concours général*), проводящийся ежегодно по всей Франции, в котором принимают участие лучшие ученики выпускных классов лицеев.

51. Исследование, посвященное лауреатам Национального конкурса, см.: *Bou-rideu P., De Saint Martin M.* L'excellence scolaire et les valeurs du système d'enseignement français // *Annales*. Janvier-février 1970. T. XXV. № 1. P. 147–175.

ся супругой из собственного круга, тем самым воспроизводя стиль жизни, систему ценностей и практик дворянства, в отличие от его представителей, окончивших лицей и посещавших другие вузы, склонных чаще жениться на женщинах незнатного происхождения и реконвертироваться в профессии, связанные с управлением или консультационной деятельностью. Однако было бы большим преувеличением сказать, что престижный и серьезный диплом отвращает его обладателей от поисков аристократических альянсов. Персоналии *Who's who*, носящие аристократическую фамилию или дворянские титулы и являющиеся выпускниками Высшей школы управления, Политехнической школы или Высшей школы коммерции, в действительности чаще других женятся на женщинах аристократического происхождения, поскольку социальный успех предполагает не только наличие престижного учебного звания, оттеняющего личные достоинства, но также брак, который тем более успешен, если оба супруга владеют значительным объемом символического капитала.⁵² Несмотря на то что длительное обучение и получение престижных дипломов или высоких степеней зачастую ведут к потере или по меньшей мере ослаблению веры в существование естественных различий и знатности как таковой, эта зависимость не так однозначна, и обладатели наивысших научных степеней могут все еще лелеять надежду на возможность сочетания различных принципов доминирования.

Перевод с французского Олеси Кирчик

52. В соответствии с той же логикой, по данным исследования, проведенного Центром европейской социологии в 1970-х годах, финансовые инспекторы и хозяева крупных предприятий составляют вместе с генералами ту часть элиты, в которой наиболее часто встречаются браки с женщиной, носящей дворянскую фамилию.